

ГОЛЫ, ОЧКИ,
СЕКУНДЫ

Ольга Колпакова: «То, что дети бросили читать, — спорное утверждение. Нечитающему ребёнку просто не попала в руки «его» книга...»

«Рубель» — это не деньги

Детский писатель с Урала Ольга Колпакова создала бестселлер про... блины, баню и русскую печь

Ирина КЛЕПИКОВА

«Для тех, кому за десять» (издательство «Жук») — только на первый взгляд адресована исключительно детворе. На самом деле задумано предложить читателям книги, которые соединят миры детей и взрослых. На большом российском пространстве «Жук» отобрал для проекта истории детских писателей в жанрах нон-фикшн. Непридуманные рассказы. Как правило — воспоминания детства, которые идут вроде бы от лица взрослого уже человека, но это взгляд никогда не скажет ребёнку: «Тебе этого не понять...».

Тут нет проблемы «отцов и детей», внуков и дедушек-бабушек. Хотя миры-то очень разные.

«Когда бабушка была маленькая, то ничего не было, — начинает О. Колпакова «Большое сочинение...». — Я иду по кухне и показываю на микроволновку: «А это было?» — Бабушка отвечает: «Нет». — На тостер. — Нет. — На газовую плиту. — Нет. — На миксер. — Нет. — На холодильник. — Нет. — На лютну. — Нет. Когда я была совсем маленькая, у нас была керосиновая лампа. Самое противное было чистить её. Хуже, чем чулочки мыть...».

Легко представляешь, как Ольга Колпакова рассказывает о том, как в детстве она писала рассказы, и ссылаясь на неё и расклевывание, и сылка инородцев (о чём автор тоже не упоминает). Но был и упрямый, вопреки всему, патриархальный настрой на «собирание мира вокруг себя». Даже на пустом месте. «Заклипила старика». На рассвете приходит старожилы — дом стоит. И из трубы дымок идёт. Затопили печь. А раз печь за ночь сложили до дома сделали — значит, корни уже пустили, таким соседям только рады».

Ольга Колпакова, член Союза писателей России, председатель Содружества детских писателей, — автор более 30 книг для детей. Но, по её собственному признанию, этот сборник в какой-то мере дебют.

— У меня вышло много познавательных книг. Есть сказки. А вот в «Большом сочинении про бабушку» я пыталась говорить уже не только с детьми, но и с родителями, с бабушками-дедушками...

Зачем? говорит без занудства. Хотя мир пращуров и мир внуков сравниваются с явным предпочтением первого. Да, в нём не было даже телефонов. Просто идёшь, к кому тебе надо, в окошко стучишься. Материальный мир внуков перенасыщен (в тексте упоминаются и электрические зубные щётки, и коврик с антискользящим покрытием и т.д.). Только вот, закрыв книгу, невозможно забыть вопрос бабушки, обращённый к внучке: «Ты-то вот интересно, что в старости вспоминать будешь? Внучке своей для сочинения рассказывать?».

Но это уже вопрос скорее к взрослым читателям.

«Нужно помнить, что бабушка — это не только бабушка, но и бабушка-дедушка». Это очень важный момент, который не только бабушка, но и бабушка-дедушка. Это очень важный момент, который не только бабушка, но и бабушка-дедушка. Это очень важный момент, который не только бабушка, но и бабушка-дедушка.

КСТАТИ

В серию войдут книги «Смеяться и свистеть» Юрия Нечипоренко, «Мужское воспитание» Кенини Драгунской, «Собаки не огибаются» Сергея Георгиева. Оформление и иллюстрации для серии создают лучшие российские иллюстраторы.

«кривоногой» или «косматым Ярылком».

А уж когда О. Колпакова устами бабушки вспоминает деревенскую баню — тут вообще поэзия! «Без мыла мылись дочиста. Брали золу, заливали водой, и через пару дней мыльный раствор готов. А если траву кипятком заальешь — ромашку, душицу со зверобоем, крапиву, чабрец, полынь, да сполоснёшь этим — лучше всякого бальзама. Весной и летом в бане листьями растирались, особенно берёзовыми, запах от тела — лучше ваших гелей». А потом — «бежишь по улице до дома. Если зимой, то от тебя пышет жаром, как от паровоза. У крыльца тормозишь, в небо посмотришь. Звёзд столько, что от удивления плакать хочется. Думаешь: не может быть, чтобы на какой-нибудь из них кто-нибудь не жил. Бог не бог, а кто-нибудь. В доме чисто. Ты чистый. Небо чистое».

Ольга Колпакова не идеализирует мир наших бабушек. Было в нём и расклевывание, и сылка инородцев (о чём автор тоже не упоминает). Но был и упрямый, вопреки всему, патриархальный настрой на «собирание мира вокруг себя». Даже на пустом месте. «Заклипила старика». На рассвете приходит старожилы — дом стоит. И из трубы дымок идёт. Затопили печь. А раз печь за ночь сложили до дома сделали — значит, корни уже пустили, таким соседям только рады».

Ольга Колпакова, член Союза писателей России, председатель Содружества детских писателей, — автор более 30 книг для детей. Но, по её собственному признанию, этот сборник в какой-то мере дебют.

— У меня вышло много познавательных книг. Есть сказки. А вот в «Большом сочинении про бабушку» я пыталась говорить уже не только с детьми, но и с родителями, с бабушками-дедушками...

Зачем? говорит без занудства. Хотя мир пращуров и мир внуков сравниваются с явным предпочтением первого. Да, в нём не было даже телефонов. Просто идёшь, к кому тебе надо, в окошко стучишься. Материальный мир внуков перенасыщен (в тексте упоминаются и электрические зубные щётки, и коврик с антискользящим покрытием и т.д.). Только вот, закрыв книгу, невозможно забыть вопрос бабушки, обращённый к внучке: «Ты-то вот интересно, что в старости вспоминать будешь? Внучке своей для сочинения рассказывать?».

Я люблю NY

Первым в России ретроспективу Брюса Гилдена показал фотографический музей «Дом Метенкова»

Ирина ВОЛЬХИНА

«Ну и что?» — пожмите вы плечами. Фотографы непонимания не разделяют. Те фотокорреспонденты, что попали на открытие выставки, интересовались работами знаменитого американца едва ли не больше обычных зрителей и «пишущих» журналистов. Этим летом Брюс Гилден впервые согласился на выставку-ретроспективу в России. В Екатеринбурге. На снимках — любимый Нью-Йорк (NY — от английского New York).

— Думаю, сыграл тот факт, что Гилден уже был в Доме Метенкова и имел возможность оценить уровень наших экспозиций, — говорит заведующая музеем Раиса Зорина. — Несколько лет назад он приезжал на Урал — снимал серию, посвящённую мафии.

Криминал из русской глубинки глазами американского фотографа колоритен и... оттапливающе-страшен. Если за океаном нас знают исключительно в таком ракурсе, не возникает вопросов, отчего не цветёт буйным цветом дружба народов. Однако и американцы, отрекомендованные Гилденом, далеко не всегда отвечают принципу калократии (проще — древнегреческой идее о гармоничном сочетании в человеке физических и нравственных достоинств).

— Не могу сказать, что Гилден человеколюбивый фотограф, — продолжает Зорина. — Выставка «Кони-Айленд — Нью-Йорк» — портретная галерея. Принцип выбора сюжетов и персонажей — выход за рамки нормы. Внимание фокусируется на остром, нетривиальном, вызывающем удивление или сдвоенный смех... Гилдена прежде всего интересуют нетипичные характеры и яркая, цепляющая взгляд, внешность. «Фотограф выискивал абсурдное в обыденном, парадоксальное в рутинной повседневности, не закрывая глаза ни на красоту, ни на уродство», — комментируют специалисты зрительный взгляд американца. При этом вычеркнул из памяти работы Гилдена, от-

АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ

махнуться от них невозможно. Парадоксальность заостряет монохром. Видимо, он же создаёт инвентарный эффект. Судя по сюжетам и персонажам, невозможно с точностью до десятилетия угадать эпоху. Фотограф отказался от цветных снимков. Эту особенность определили чёрно-белые фильмы, которыми с юности увлекался Гилден.

«Раздвигающий» пространство стальной взгляд пожилой леди. Люди, отгораживающиеся от камеры. Неестественно-роскошные женские формы. Искалеченное лицо крупным планом. Мужское. Женское. Солнечные блики на тяжёлой обнажённой груди...

Границу общепринятого герои Гилдена нарушают чуть-чуть (и это лишь добавляет образам пикантности, горчинки). Другие «двойную сплошную» пересекают нарочито-решительно. Вне зависимости от пола, возраста и статуса. Парадоксальность (которая ежедневно растворяется в потоке рутины) фотограф выхватывает и «цементирует» в истории с помощью особого подхо-

да к съёмке. Гилден использует широкоугольный объектив и прямую вспышку. И ещё он всегда очень близко приближается к своим героям: не прячется и не выжидает за углом любопытного момента. Вступает с людьми в контакт, провоцирует их на эмоцию, выводит из себя. Кажется, персонажи на снимках двигаются. Кажется, движется улица.

— Это реальный Нью-Йорк! Это его жители! Я много раз бывала там, и эта выставка — ещё одна возможность прогуляться по знакомым улочкам. Очень важно, что жители Екатеринбурга увидят не только знаменитые магезины Нью-Йорка, но и его людей, почувствуют его атмосферу, — радуется вице-консул по вопросам образования, прессы и культуры Генерального консульства США в Екатеринбурге Кристина Хейден.

Ретроспектива в музее Метенкова охватывает период творчества с 1970-х по 2000-е годы. Фотографические парадоксы Нью-Йорка начинались в Кони-Айленде (полуостров в Бруклине), где ещё в 1970-х мастер выискивал необычные сюже-

ты. Они составили первый крупный проект фотографа. Из этих экспериментов позже выросли не менее известные японский и ирландский проекты, серия фотографий с Гаити. Гилден стал знаменит в течение десяти последних лет, когда вышли в свет его книги о Нью-Йорке. Он фотографирует родной город более двадцати лет. Интересно не с младых ногтей, когда часами мог наблюдать за жизнью мегаполиса из окна.

— Я фотографирую, потому что я... фотографирую. Я мог бы дать какой-нибудь замысловатый ответ на это вопрос, но на самом деле это просто у меня в крови, — размывает о себе Гилден в одном из выступлений.

Через месяц уральцам представится возможность лично задать вопросы фотографу. В конце сентября, ближе к закрытию выставки, Брюс Гилден собирается в Екатеринбург. Даст мастер-класс. Возможно, сделает серию портретов в столице Среднего Урала. Готовы попасть в кадр?

Б. Гилден: «Когда я с камерой — я не подымаю глаз на здания, потому что я высматриваю людей, которых мне захочется сфотографировать»

Центральный стадион
Екатеринбурга
готов к матчам
российской
«молодёжки»

Накануне в Екатеринбурге прошло совещание, посвящённое проведению в уральской столице матчей отборочного этапа к молодёжному чемпионату Европы-2013.

Как уже сообщала «ОГ», 6 сентября на поле Центрального стадиона футболисты молодёжной сборной России проведут матч с Польшей, а 10 сентября — с Молдавией. Две эти встречи станут для нашей команды заключительными на отборочном этапе. В случае двух побед отечественные футболисты гарантируют себе место в основной части молодёжного чемпионата Европы-2013, который пройдёт в Израиле.

На совещании обсуждалась подготовка Центрального стадиона и обеспечение безопасности зрителей и футболистов до, во время и после матчей. На стадионе согласования с Российским футбольным союзом находятся вопросы, связанные с размещением сборных России, Польши и Молдавии в Екатеринбурге.

Что же касается подготовки самой арены к отборочным матчам Евро-2013, то, по словам гендиректора Центрального стадиона Вадима Воробьёва, «арена готова уже завтра принять у себя делегацию РФС и УЕФА для инспекции».

Андрей КАЩА

«Автомобилист»
стартовал
на «Каменном цветке»
с победы

В первом туре традиционного турнира по хоккею с шайбой на призы губернатора Свердловской области в Екатеринбурге хозяева льда переиграли чешский «Маунтфилд».

Первый домашний матч «Автомобилиста» после межсезонья вызвал большой зрительский ажиотаж. Трибуны 5,5-тысячного КРК «Уралец» были заполнены почти на сто процентов. Хоккеисты отблагодарили зрителей красивой игрой.

По её ходу хозяева сначала проигрывали 0:1 и 1:2 (у «Автомобилиста» отличился Константин Макаров). Затем благодаря дублю Алексея Симакова и голу Йозефа Старки вели 4:2. Но всё же основное время матча завершилось ничью — 4:4. В серии штрафных бросков (обе команды бросили по шесть раз) удачливее оказались екатеринбуржцы. Победную шайбу забросил Алексей Симак.

В первом же матче «Каменного цветка» встречались нижегородский «Спутник» и пермский «Молот-Прикамье». Как и в матче «Автомобилист» — «Маунтфилд», основное время поединка завершилось ничью — 2:2. Серия буллитов принесла успех пермякам.

Вчера в рамках второго тура «Каменного цветка» «Маунтфилд» сыграл со «Спутником», а «Автомобилист» — с «Молотом».

Алексей КОЗЛОВ

Трижды Раскольников

Достоевского сыграли на сцене «Волхонки»

Ульяна ГИЦАРЕВА

По неписаному театральному закону премьерой первого сезона открывает Екатеринбургская «Волхонка» свой 25-й сезон премьерой закрыла. Да ещё какой! На крохотной сцене меж двух колонн ожил роман одного из самых знаковых русских писателей — Фёдора Достоевского.

Шаг этот, конечно, вдвойне рискованный. Во-первых, не сезон. Изнурённая зноем публика по театрам ходить настроена не особо. Во-вторых, «Преступление и наказание» — рисковать на сцене, особенно на семь дней в Штатах привлечёт художник по свету Джон Карр.

На сцене небывалая для «Волхонки» конструкция: белоснежный дощатый пол (какой же Достоевский без скрипки половец?), белые стены с неровным краем (слово прогрызенным или прожжённым на фоне традиционного «чёрного кабинета»). Кажется, будто неведомое огромное чудовище надкусило светлую комнату, оставив надломленной когда-то добротную оконную раму, стены.

Кордонский вывел на сцену трёх Раскольниковых одновременно. Они мчутся по сцене в минуты душевных терзаний и замирают как один, принимая важные, как им кажется, для всего человечества решения: кто достоин смерти, а кто жизни. Одна из самых сложных задач спектакля — синхронное физическое

существование трёх личин одного героя и прямо противоположная им эмоциональная и нравственная оценка происходящего. В каждом человеке уживаются несколько ипостасей: Земное, Божественное и Дьявольское. «Достоевский потому и Достоевский, что горизонтальной течению у него всегда противопоставлена вертикаль экзистенциальной проблемы, — говорит режиссёр, — и только вместе они образуют крест».

Дьявольское досталось на долю уже опытного актёра «Волхонки» Алексея Агпова. А вот за земное и божественное отвечали совсем молодые: Сергей Ювенко и Антон Рабедкий пришли в театр перед самой постановкой. Текст Достоевского, произносимый практически в унисон, начинающим лидецеям задачи не облегчает. Тем не менее Раскольников удался. Перехват инициативы от одного к другому в монологах упростили для зрителя восприятие огромных фрагментов текста.

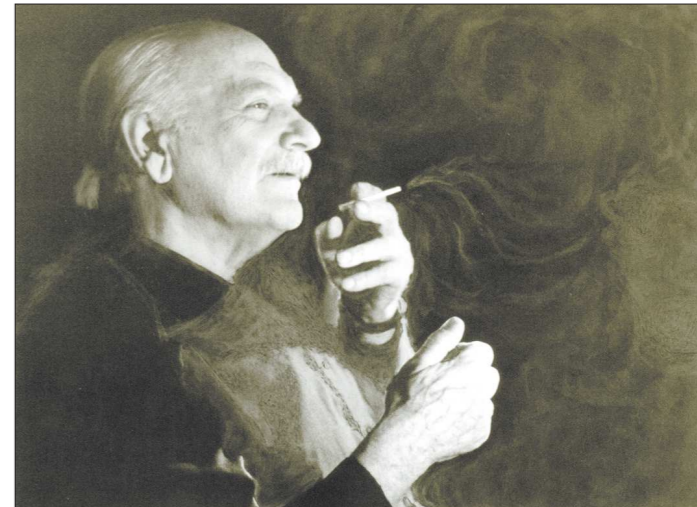
Пристав следовательских дел Порфирий Петрович, в мастерском исполнении Александра Сергеева, на фоне трёх Раскольниковых — картонная фигура почти до самого финала. Состоящий из шутков-прибауток, он нарисован скорее пером Гоголя. Но только до тех пор, пока не встретится нищий студент со старухой Алёной Ивановой, пока не достанет из всех тумб в доме тарелки с кровью и не зальёт её белоснежную декорацию. За два года до «Преступления

и наказания» Достоевский в «Записках из подполья» писал: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льётся, да ещё развесёлым таким образом, точно шампанское. Вот вам все наше девятнадцатое столетие: кровь брызжет со всех сторон, как шампанское...». Горько бы было Фёдору Михайловичу убедиться в невероятной актуальности своих слов уже в столетии двадцать первом...

Образ старухи-процентщицы в прочтении Кордонского спорен. В своё время его обвинили в слишком прямом решении женских образов в спектакле «Дом Бернарды Альбы». Сейчас заносчивый зритель, пожалуй, заметит обратное. Полюне Дьячек удался не только сложнейшим гримом прибавить себе не один десяток лет (прежде её чаще можно было видеть в роли роковых красавиц), но и показать зловещую Алёну Ивановну существом метафизическим.

Процентщица — самый интересный персонаж в романе, — говорит актриса. — Старуха без возраста, эдакий полудемон, с самого начала знающий о своём конце, не страшась его, а только искусующий Раскольникова самим фактом своего существования. После спектаклей остаются некое послевкусие. И не потому, что мне так ни разу не удалось до конца сшить седину с волос (так и еду домой седею). А потому, что текст не сет в себе настолько сильный заряд, что остаётся не только в голове...

Театральный роман Мастера, увы,
завершился

Вчера театральный мир потерял выдающегося Мастера — Петра Фоменко.

Режиссёр — профессия редкая. Главный режиссёр — штучная. Мастер — уникальная. Созданный Петром Наумовичем из учеников, театр — «Мастерская...», в которой всегда было место нестандартности, парадоксальности и рукоутворности.

Его уважали коллеги и обожали ученики, даже став знаменитыми, известными, самодостаточными. О нём всегда говорили негромко. Может, потому, что он сам был негромкий, няerkий, непубличный, предпочитая любой гламурной тусовке сокровенность сцен.

Репетиции Петра Фоменко — особый театр, в котором интересен не столько результат, сколько процесс. В одной из книг про его репетиции написано: «Он режиссёр-дирижёр, который управляет репетицией, как оркестром. Отсюда изобилие музыкальных терминов, которыми он пытается объяснить актёру его задачу. Иногда он не смотрит на сцену, а слушает, глядя в текст, чтобы распознать фальш ушам и вытянуть её к чистому звуку, к человеческой интонации без наигрыша... Он любит живой театр, репетирующий, меняющийся, неожиданный и не окончательный, не застывший, не раз и навсегда подшивавшийся под какой-то концепцией. Находит этого режиссёра не умозрительны, он всегда отталкивается от природы актёров, зависит от их ограниченной и возможности».

Де бы он ни ставил — в Театре Вахтангова, в «Сатириконе», в Театре им. Маяковского, в своей «Мастерской» — билеты купить было очень сложно. Практически все его спектакли — долгожители.

В ушедшем сезоне Екатеринбург стал счастливым зрителем — в город впервые с большими гастролями приезжал этот удивительный театр, привёз свои лучшие спектакли. Впрочем, слово «лучшие» не совсем справедливо. Каждый спектакль Петра Фоменко — особый, незабываемый, не проходной, не на потребу, не утех ради.

Последней работой мастера стал «Театральный роман» по Булгакову. Дальше он будет жить без Мастера.